

Свет в кадре

Экран и сцена. - 1997. -
11-18 дек. - с. 16.

Михаил Ульянов:

Есть роли, которые приносят успех. Обо мне, если вспоминают, то прежде всего по ролям из "Председателя", "Братьев Карамазовых", "Бега".

Работать с Александром Аловым и Владимиром Наумовым над "Бегом" было радостью. Они являли собой удивительный дуэт — абсолютно разных и вместе с тем поразительно дополняющих друг друга индивидуальностей. Владимир Наумович бесконечно фантазировал, он просто гейзер придумок. Александр Александрович — напротив: раздумывал и несколько охлаждал неумную фантазию Наумова. В этой разности и было своеобразие дуэта, основу которого составляли эмоциональность и интеллигентность, предполагающие прежде всего право на существование другой точки зрения — не только своей. Работали в двух разных ключах, внимательно прислушиваясь друг к другу. К несчастью, ушел Алов. Наумов остался один. Очевидно, ему было трудно. Но он пережил и стал работать в новом качестве. Теперь он сам давал своей фантазии свободу и сам себя останавливал.

Я снимался у него, может быть, и не в самой удачливой картине "Выбор". Италия. Венеция. Был холодный февраль. Снимали во время карнавала. Ощущение какое-то средневековое. И как-то на рассвете — стук в дверь. Звонкий голос Наумова: "Одевайтесь скорее, выпал снег! Надо успеть снять! Такого можно больше никогда не увидеть!" Снег в Венеции. Но, увы, кино хоть и авральное дело, однако не быстрое. Когда все собрались, снег уже начал таять. И мы с Наташей Белохвостиковой бродили по Сан-Марко без снега, по грязной жиже. Но какова реакция Наумова, каково его художественное видение!

К сожалению, в последнее время мы редко встречаемся, но когда это случается, всегда при встрече говорим друг другу свой давнишний пароль: "У вас нет ли пару тыщонс?" Эдакое дружеское приветствие и обязательно с легким польским акцентом, еще с "Бега" повелось.

С Наумовым, кроме творческой радости, испытываешь радость человеческого общения. Он — упорный, но не диктатор, никогда не запрещает импровизации, инициативу. Бывает и жесток, но справедлив. Он из тех людей, с которыми теплеет на сердце. Мы с женой его очень любим.

Как ни горько, но уже 70 лет. Впрочем, для Наумова это неважно. Он замечательный режиссер, великий фантазер, мистификатор, который любит жизнь во всех ее проявлениях. Великолепный друг и демократ (но не в смысле Думы, а по сути). Он во многом Дон Кихот с его длинной худой фигурой.

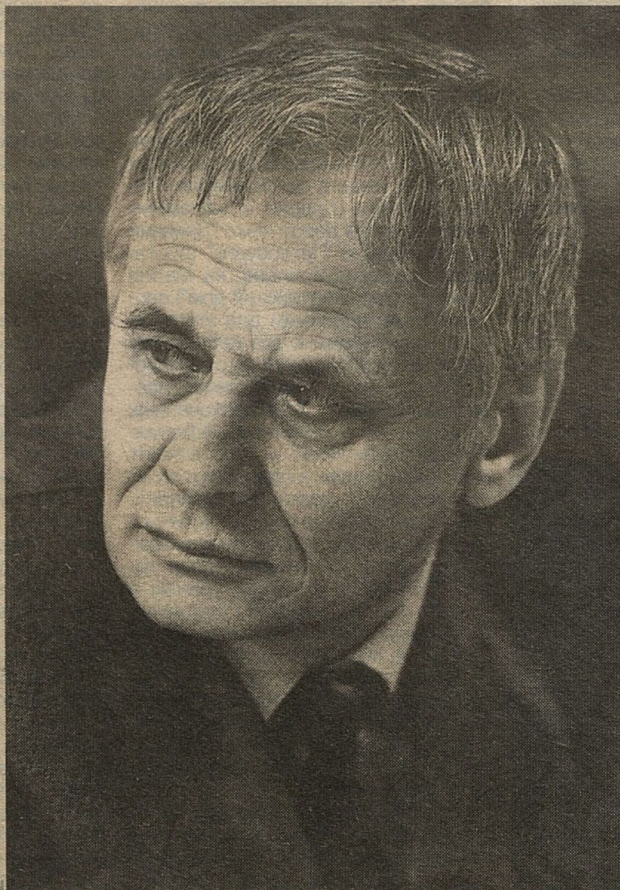
Удивительный друг. И что-то есть — на пару тыщонс.

Виктор Сергачев:

Прежде всего: Владимир Наумов — режиссер уникальный. Еще не так давно гениальных режиссеров было предостаточно, а вот неповторимых, уникальных гораздо меньше. Я снимался у Алова и Наумова в фильме "Скверный анекдот". И потом, я каждый раз, когда они приступали к новой работе, тайно надеялся, что меня опять пригласят сниматься, пока мне не объяснили, что у них, оказывается, был такой режиссерский принцип — актера, который снимался в главной роли в предыдущем фильме, они уже не приглашали.

Судьба "Скверного анекдота" была бы иной, если бы не некоторые обстоятельства — заграничные и внутренние. Про них или совсем не знают или знают очень мало. В 1968 году, за несколько месяцев до чешских событий, я был на гастролях в Вильнюсе, и ко мне пришел литовский корреспондент из местного киножурнала, чтобы взять интервью. Я удивился, потому что не был фаворитом руководителей нашего кино — ни тогда, ни после. И был как бы не в круге интересов прессы. Я у него и спросил, чем, собственно, обязан? Он: в Чехословакии вы признаны лучшим актером года, а фильм "Скверный анекдот" — лучшим фильмом года, из недемонстрировавшихся в стране. Он мне сказал, что это очень престижное признание. В Москве, по-моему, об этом не знали, за рубежом этот фильм не пошел, да и в СССР он не выходил на широкий экран. "Скверный анекдот" — фельетон Федора Михайловича Достоевского на тему государственного либерализма. Речь идет о том, что высокие чиновники, которые испытывают душевный уют, думая, что они работают во благо народа, в действительности ничего не имеют общего с этим народом и ничего про него не знают. Для властей такой разговор был, конечно, нежелателен.

Владимир Наумович работает в стиле фантастического реализма. Это и не "натуральное" кино и не реалистическое, но иногда в этом стиле можно больше сказать, и он значительно ближе к жизни, чем некоторые натуралистические приемы. Хотя этот стиль очень опасный, поскольку он удобен, так сказать, для самовыражения. Но у Владимира Наумовича это никогда не превалирует — он настоящий художник. Особенно он чувствует связь прошлого с будущим. И некий идеализм, устремленный в будущее, всегда присутствует у него. Сейчас, тридцать лет спустя после первой встречи, я снова снимаюсь у Наумова. В фильме, который пока называется "Тайна Мар-

Владимиру Наумову — 70. Возраст, как ни крути, солидный. Но те, кто знает его давно, те, кто работал с ним в разные годы, утверждают: каким он был, таким он и остался. Значит — все еще впереди. "ЭС" присоединяется к поздравлениям и желает юбиляру, чтобы у него было много трудной режиссерской работы. А сил, уверены, хватит.

челло", — в небольшой роли, но с удовольствием. Фильм об идиотизме нашей жизни. Нагромождение фантастического и реального. Очень интересные и смешные съемки.

Наумов очень хорошо относится к актерам. Редко, но бывает: можно сочинить текст — свой, но вместе с ним, но все-таки своими словами что-то сказать. Он бывает очень рад, если это удачно получается. Но вместе с тем всегда четко знает, чего он хочет. У него в кадре — не просто "вообще", а прямо в этом кадре — присутствует некий критерий: что пошло, что не пошло, где перебор, а где не хватает чего-то. И пока он этого не добьется — не снимает. У него есть такой прием: когда все уже готово, он оператору пальцами показывает "ноль" — значит он не снимает; все играют, а на самом деле съемки нет. Он это делает для того, чтобы в последний раз проверить, посмотреть, поправить. И это не только актеров касается — всех. Вот когда он удовлетворен — тогда снимает.

Как он снимает сейчас? Вот скажем все уже готово, можно снимать. Тут Владимир Наумович говорит: "Вы же видите, что в подъезде нет лампочки. Должно гореть яркое пятно". А снимается это не на студии, а в здании ТЭЦ. Едут искать лампочку. Потом ее вкручивают. Он опять смотрит и говорит: "Что вы винтили — она у меня перекрестит весь свет в кадре". Колпак на нее надевают из газеты. Он: "Вы соображаете, пока мы снимем — газета загорится". Мочат газету. В конце концов, когда сняли, он смотрит и говорит: "Лампочки-то совсем не видно". И устраивает страшный скандал оператору. Тот в ответ: "Ведь когда мы снимали, вы меня попросили крупным планом взять Ромашина, так я уехал с этой лампочкой". Оператор ушел погреться и решительно сказал, что не будет завтра снимать с Наумовым. Проходит минут пятнадцать; оператор успокоился, и, конечно, снимает, с удовольствием.

Надо пожелать Владимиру Наумовичу здоровья. Он сейчас в расцвете. Бывает, что режиссеры с возрастом начинают повторяться, особенно выдающиеся. Усовершенствуют то, что было найдено. А у Наумова сейчас, как мне кажется, взлет, какая-то свобода, ясность того, что он хочет и как это сделать.

Наталия Белохвостикова:

Мне о Наумове говорить проще и труднее, чем другим: я не только актриса, много работавшая с этим режиссером, я — его жена. Вроде бы знаю о нем все. Он единственный человек в моей жизни, которому я могу завидовать. И хочу. Тому удивительному, потрясающему

состоянию его души, когда он загорается идеей. Тому состоянию, которое я так люблю. Его фантазия становится неумной с момента, когда ему пришла мысль снять то или иное кино. Он уже с ней не расстается ни на секунду — ни дома, ни в машине, нигде. Все подчинено только ей. Это кино и днем и ночью. И я вместе с ним вовлекаюсь в водоворот всех переживаний, всех ситуаций, в водоворот этой фантастической профессии, которой он награжден от Бога.

Я познакомилась с Наумовым совсем еще юной, только что снявшись в фильме "У озера". Мы оказались вместе в Белграде на неделе советского кино, где должны были состояться премьеры "У озера" и "Бега". Конечно, мне были известны имена режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова. Но я никогда не видела ни их фильмов, ни их самих. А тут передо мной оказался очень красивый, умный и представительный человек, который при этом вел себя несколько своеобразно. Он все время доставал сигарету, но не прикуривал, а бесконечно крутил ее в пальцах, разминал и изредка подносил к носу. Позже я узнала, что Наумов только что бросил курить и таким образом отвыкал.

С ним в мою жизнь вошло удивление. Я как-то по-новому стала видеть окружающий мир. Вместе с ним я увидела все самое интересное, что происходило в столице. Он прочитал мне такое количество стихов, которое я сама, наверное, за всю жизнь не прочла. Мир, с которым я столкнулась, был мне совершенно незнаком — ведь я из дипломатической семьи, а там мир совершенно иной. Этот же — ошеломил меня: шальной, безумный, талантливый, элегантный, невероятный. С тех пор Наумов удивляет меня постоянно. Всеми своими проявлениями. Редкостной поглощенностью своим делом, умением четко определить, чего он хочет, и добиваться этого. Способностью расположить актера, выявить в нем нечто потаенное и уверить его, что он все сделал сам. Работать с ним радостно и трудно — как и должно быть с талантливым человеком.

Одаренные люди, как правило, одарены во многом. Он замечательно рисует. У него много удивительных картин. Когда он поглощен живописью, кажется, что он уносится в какие-то космические дали.

Союз с Александром Аловым был удивительный по гармонии и взаимопониманию. Хотя, на мой взгляд, они творчески существовали автономно, и в принципе, наверное, могли бы работать порознь. Но эти две глубины составляли единое целое. Стоило только вернуться домой со съемок, — тотчас раздавался звонок телефона и продолжалась работа, фантазия, размышления, обговаривание всяческих мелочей. С этим я впервые столкнулась на "Тиле". Для Наумова нет ничего просто так. Ни крохотной детали, которую на экране потом и не разглядишь, ни нюансов в цвете костюма того или иного персонажа. Пока не выберет, не уточнит, не проверит — не успокоится.

Меня поражает его знание живописи, литературы и еще массы вещей, о которых, может быть, я до сих пор и не догадываюсь. Открытия рядом с ним делаются постоянно. Он дает такую возможность. И как режиссер, и как человек. У него это как бы проросло одно в другое. Он как монолит. Это его жизнь. Иначе он жить не может.

А как он смотрит футбол! Мальчишка да и только. Как-то он привел меня на какие-то соревнования в "Крыльшки". Сначала я даже не поняла, что там происходит, а он мгновенно включился, начал болеть, подсказывать с места. Оказывается, он в юности занимался боксом и отлично в нем разбирается. Кажется, что он умеет все. Во всяком случае мясо готовит изумительно, никто так не умеет. Сколько раз он меня учил, я пыталась делать под его руководством — все равно не то. А какие он мне всегда приносит розы — темно-темно-красные, почти черные. Сейчас понятно — не проблема, а раньше? Правда, я и теперь таких нигде не видела. С ним вообще удивительно радостно и легко жить. Он очень верный и надежный человек.

Мне всегда безумно хотелось, если бы это было возможно, заглянуть и узнать, что происходит в голове человека, который снял "Скверный анекдот", "Бег", "Тиле", "Десять лет без права переписки". Но, увы, это тайна. И человек должен ее иметь. И сколько бы я не узнавала о нем, он все равно остается для меня тайной.

Василий Лановой:

Есть люди, к которым возраст не может прилипнуть. Озорные, ребячливые, с хулиганистыми глазами. Владимир Наумов — такой. Мы с ним не виделись, страшно сказать, чуть ли не с "Павла Корчагина". А встретил недавно, и знаете, — ничего не изменилось, тот же мальчишка, озорник, тот же взгляд.

Мне посчастливилось встретиться с Аловым и Наумовым в самом начале наших творческих жизней. Приятно вспомнить, что снимали фильм на киностудии имени Александра Довженко — на родине их учителя Игоря Савченко. Тот фильм был знаменателен для всех нас, я уверен. И для нашего искусства. И когда сейчас меня иной раз ехидно спрашивают: "Ну, и как ты теперь относишься к Павке?", я так же ехидно отвечаю: "Еще лучше, чем раньше. Нынешним молодым иметь бы хоть какие-нибудь идеалы, верить бы во что-нибудь высокое". Думаю, не лишне было бы.

Наумов Владимир